

вич [5] и других авторов. Так, Б. И. Додонов утверждает, что устойчивая потребность человека во благо другого отражается в тенденции к переживаниям альтруистических эмоций. Если эта потребность не удовлетворена, человек испытывает тягостное состояние.

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что:

1) альтруизм является следствием эмоциональной реакции – эмпатии, при этом последняя понимается как аффективная связь с другим человеком, как способность приобщаться к эмоциональной жизни другого человека, разделяя его переживания;

2) альтруизм возникает в результате воздействий на субъекта общественных моральных норм. Они представлены человеку главным образом в виде ожиданий других людей относительно его возможного поведения. Будучи неразрывно связанным с обществом, субъект даже в отсутствие наблюдателей будет вести себя в соответствии с принятыми нормами поведения;

3) альтруизм побуждается так называемыми личностными нормами, под которыми понимается реальность, предстающая в форме ценностных ориентаций, при которых центральным критерием нравственной оценки являются интересы другого человека или социальной общности;

4) альтруистическое (просоциальное) поведение направлено на благо других и не рассчитано на внешнюю награду. Это поведение обусловлено наличием у человека ряда личностных диспозиций:

сострадательности, заботливости, чувства долга, ответственности и отсутствием качеств, не способствующих проявлению альтруизма, подозрительности, жадности, скептицизма. Альтруистическое поведение характеризуется переживанием субъекта своего деяния как продиктованного внутренней необходимостью и не противоречащее его интересам.

Литература

1. Альтруизм // Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 21.
2. Антилогова, Л. Н. Альтруизм и его роль в профессиональной деятельности социального работника / Л. Н. Антилогова // Социальная работа в Сибири / отв. ред. Н. И. Морозова. – Кемерово, 2004. – С. 3-45.
3. Божович, Л. И. Изучение мотивации поведения детей и подростков / Л. И. Божович. – М., 1986.
4. Додонов, Б. И. Эмоции как ценность / Б. И. Додонов. – М., 1978.
5. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2004. – С. 174-221.
6. Пайнс, Э. Практикум по социальной психологии / Э. Пайнс, К. Маслач. – СПб.: Питер, 2000. – 528 с.
7. Эфроимсон, В. П. Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека) / В. П. Эфроимсон // Интернет: www.follow.ru/article

УДК 316.624

Д. Н. Долганов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ЛИЧНЫХ КОНСТРУКТОВ ПРИ АДДИКТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ

В современном обществе происходят серьезные изменения социально-экономической сферы, культурных норм и идеологических позиций, происходит изменение условий жизни граждан. Все это заставляет адаптироваться человека к изменяющимся условиям. Общество предъявляет новые требования к личности человека, что подразумевает постоянное движение к новым формам взаимодействия и существования в изменяющемся мире. Неудовлетворенность своим положением в мире, нехватка психологических ресурсов для преодоления возникающих трудностей и решения проблем в определенных случаях порождает такую форму ухода от действительности, как аддиктивное поведение. Привлекательность такой технологии решения проблемных ситуаций заключается в ее простоте, в том, что на фоне ухода в аддиктивные реализации формируется «иллюзорная действительность», реализующая компенсаторную функцию и заставляющая человека в дальнейшем прибегать к подобным способам разрешения возникающих проблем. Аддиктивное поведение, являясь компенсаторно-иллюзорной деятельностью, в конечном итоге ведет не только к

изменениям личности, но и трансформации восприятия действительности, что находит свое отражение в построении специфического когнитивного образа мира и дальнейшем его восприятии на данной основе. В связи с этим возникает необходимость изучения когнитивной сферы личности при аддиктивном поведении, а также изучения категориальной системы сознания, лежащей в основе восприятия действительности, потому как когнитивная сфера (ее особенности) при аддиктивном поведении практически не представлена в психологической литературе. И в первую очередь, необходимо ответить на вопрос, какую роль играют когнитивные процессы (а в частности система личных конструктов) в структуре формирования аддиктивного поведения.

В целом в различных описаниях аддиктивного поведения исследователи часто сталкиваются с проблемой, что является собственно факторами формирования аддикций, а что является следствием сформированной аддикции. Поэтому дальнейший анализ проблем психологических особенностей аддиктов мы будем реализовывать в контексте исследования причин, предопределяющих развитие аддик-

ций, а также тех психологических характеристик, которые являются следствием деформации личности при аддиктивном поведении.

Вообще, к психологическим факторам, способствующим возникновению и развитию аддиктивного поведения, многие авторы относят: личностные особенности; неудовлетворенные потребности; аддиктивные реализации как суррогат межличностных отношений; чувство стыда; значение детского периода. Среди социальных факторов следует отметить: слабую успеваемость; исключение из учебного заведения или увольнение; склонность к правонарушениям; раннюю половую самоидентификацию; раннюю сексуальную активность; ориентацию на группу сверстников; толерантное отношение к аддикции в семье; бедность и непостоянный доход; недостаточные связи между соседями; неправильные типы воспитания; дефицит эмоционального отношения к детям; недостаточный контроль за поведением детей; неблагоприятная семейная обстановка; неполная семья; вовлеченность в поп-культуру; гиперопека и сиротство. Патопсихологические факторы подразумевают различные нарушения психического развития.

Многие авторы используют в качестве объяснения причин формирования и развития аддиктивного поведения особенности характера и личностные черты, однако не следует рассматривать вышеобозначенные признаки в качестве абсолютного объяснительного принципа причин аддикций. По этому поводу справедливо замечает Е. В. Янко, личностные черты не выступают непосредственной причиной формирования аддиктивного поведения, создают определенный фон [24, 25]. А произойдет ли формирование аддикции, зависит и от других факторов.

Многочисленные исследования психологических особенностей лиц с аддиктивным поведением показывают, что изменения личности аддикта находят отражение в трансформации сферы ценностных ориентаций [3, 6, 7, 8, 23]; в трансформации эмоционально-волевой сферы [3, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 18]; в трансформации восприятия времени [1, 19]; в трансформации потребностно-мотивационной и смысловой сфер личности [2, 5, 17]. Исследования особенностей формирования системы значений и ее трансформации, в ходе развития аддиктивного поведения, практически отсутствуют. Один из примеров описания системы значений при аддиктивном поведении мы находим в работе Б.С. Братуся. Он указывает на тот факт, что в качестве предпочитаемых черт личности других людей больные алкоголизмом называют такие черты как: честность, справедливость, товарищество и т. п. На первый взгляд, данные черты вполне нормальны, но в дальнейшем Б. С. Братусь приводит данные объяснения этих черт больными. Исходя из описаний, полученных в ходе беседы с аддиктами, становится ясно, что, несмотря на используемую форму высказываний, они наполняются новым значением, связанным сугубо с употреблением алкоголя.

Таким образом, мы выходим на проблему значений и мышления (которое осуществляется в знако-

вом материале) и их роль в структуре развития и формирования аддиктивного поведения. Поскольку мышление, являясь деятельностью, опирается на систему понятий и значений выражаемых в языке, постольку, зная о возможности трансформации значений в ходе развития алкогольной аддикции, мы можем предположительно сказать о существенной роли когнитивных процессов в структуре аддиктивного поведения. Роль мышления в структуре аддиктивного поведения, на наш взгляд, довольно значима, потому как за счет системы значений происходит формирование отношения к действительности вообще и трансформация значений, связанных с доминирующей деятельностью (в данном случае аддиктивной), может объяснить те изменения личности, которые наблюдаются при аддикциях.

Если к непосредственным факторам формирования и развития аддиктивного поведения мы можем отнести разнообразные психотравмирующие ситуации, изменяющие отношение человека к различным аспектам действительности (неполная семья, сиротство, увольнение с работы, исключение из учебного заведения, дезадаптация, алкоголизация в семье и другие ранее обозначенные причины), то, как правило, особенности системы ценностей, эмоциональная ригидность, различные поведенческие реакции (гипертимность, шизоидность), гедонистическая направленность на мгновенное удовлетворение потребностей, деформация потребностно-мотивационной и смысловой сфер, специфические смысловые установки, особенности волевой регуляции, нарушение временной перцепции и ряд других должны рассматриваться как свойства, приобретенные в процессе формирования аддикции. И именно включение в структуру анализа когнитивных процессов позволяет найти связующее звено между теми состояниями, которые были характерны до сформированной аддикции с теми состояниями, которые характеризуют уже оформленное аддиктивное поведение. Суть данного перехода видится следующим образом, воздействие негативных факторов на личность приводит к необходимости как-то их интерпретировать, формировать отношение к ситуации, данное отношение строится опосредованно, через систему значений, отражающих специфику ситуации. В то же время совокупность значений не только характеризует ситуацию, но и включает в себя возможные варианты ее разрешения. Например, интерпретация событий, как порождающих психоэмоциональное напряжение, предполагает выход из данной ситуации путем устранения этого напряжения. Но на первых порах пока еще не совсем уместно говорить о том, что система значений предполагает также и конкретные средства разрешения ситуации. Лишь после того, как человек использовал какое-либо средство, оно в дальнейшем начинает отражаться в ситуации восприятия и осмысления событий, как эффективный способ разрешений сложившихся противоречий. Но следует заметить, что еще одним аспектом данного процесса является не только изменение отношения к ситуации (сначала она вызывала напряжение и

дискомфорт, а затем дискомфорт исчез и ситуация рассматривается как разрешенная), не только изменение системы значений, описывающих данную ситуацию, но и то, что стоит за процессом изменения значения. В качестве такого элемента нами рассматриваются измененные состояния сознания.

С. В. Дремов, И. Р. Семин. [4] отмечают, что ИСС (измененные состояния сознания) можно рассматривать не только как негативный процесс. «Благодаря изменениям сознания осуществляются его основные функции: ориентировка и приспособление» [там же, с. 18]. Таким образом, приспособление человека к изменяющимся условиям окружающей действительности сопровождается изменением сознания. При аддиктивном поведении изменение сознания идет: «... способом очень быстрой и не требующей духовных усилий модификации психоэмоционального состояния, способом моментального и краткосрочного разрушения персональной организации сознания и самосознания. Опасность такой «технологии» трансформации переживаний состоит в том, что более трудные, гуманизированные способы изменения своего сознания, образа «Я»... становятся ненужными» [там же, с. 19].

Для конструктивного изменения сознания характерно наличие ряда опосредующих элементов. А для аддиктивно-измененного сознания можно предположить отсутствие таковых опосредований. Т. е. неаддикт изменяет отношение к ситуации через призму моральных норм, обязательств, допустимости действий в данный момент, систему ценностных ориентаций и т. д. При аддиктивном поведении данная технология изменения сознания замещается аддиктивным агентом, который способствует быстрому переходу, образу выражаясь, из точки А в точку Б. Таким образом, это согласуется с особенностями деформации потребностно-мотивационной и смысловой сфер личности, отражающих основную тенденцию аддикта на достижение результата без затрат усилий и времени.

А. В. Россохин, В. Ф. Петренко, В. В. Кучеренко [16; 20] измененные состояния сознания рассматривают через изменение форм категоризации сознания субъекта, что находит свое отражение в трансформации семантических пространств. Данные трансформации характеризуются рядом признаков: переход от опоры на вербально-логические понятийные структуры, к отражению в форме наглядно-чувственных образов. Возникающие переживания новых состояний необычности, новизны сопровождаются переходом к новым формам категоризации. Происходит изменение рефлексивных характеристик, что выражается в переживании содержания измененных состояний сознания не как продуктов собственной психической активности, а как нечто привнесенное извне. Изменение восприятия времени, характеризующееся трудностью или невозможностью перевода внутреннего опыта на язык социально-нормированных форм категоризации. На фоне измененного состояния сознания происходит вытеснение из сознания реального образа действительности, который замещается иллюзорным, когда какое-либо явление приобретает совершенно иную содер-

жательную наполненность (авторами приводятся примеры того, что шум города может превращаться в шум леса, а пятнистый линолеум – в цветущую поляну). Также авторами указывается факт отличия измененных состояний сознания, вызываемых посредством различных способов. Потому как различные средства, индуцирующие возникновение измененных состояний сознания, обладают ограниченным «радиусом действия», т. е. различные ИСС отличаются друг от друга не столько количественно, сколько качественно.

Отводя существенную роль влиянию когнитивных процессов (мышление, категориальная система значений), способствующих формированию отношения к аддиктивным агентам как имеющим возможность быстрого и «безболезненного» изменения состояния сознания, мы при анализе литературы не находим достаточных описаний специфики функционирования и роли категориальных систем сознания в структуре аддиктивного поведения. Таким образом, исследование данных явлений видится нами как весьма перспективное направление разработки проблем аддиктивного поведения.

В проведенном нами исследовании приняли участие 114 пациентов наркологического отделения с диагнозом «хронический алкоголизм» – экспериментальная группа. Контрольную группу составили студенты Беловского института (филиала) КемГУ и жители города Белово – 81 человек.

Методы исследования: метод репертуарных решеток, разработанный Дж. Келли. Нами использовались четыре разных типа решеток: «отношение к успехам и неудачам», «межличностные отношения», «психологическое время», «цели и средства».

Результаты экспериментальной группы. В сфере отношения к успехам и неудачам выделено 9 факторов, описывающих 100 % общей дисперсии. К сожалению, рамки данной работы не позволяют проанализировать все выделенные факторы, поэтому мы остановимся на рассмотрении главных.

1 фактор (217,1279) – 15,58% общей дисперсии. Этот фактор связан с такими элементами решетки, как: «громкий провал» и «то, за что наказали». Дескрипторы данного фактора, отражающие общее отношение к неудачам жизни, представлены 70-ю парами конструкторов: лень – труд; страдания – несчастье; нравится – не нравится; работа – увольнение; было плохо – стрём; неизбежность – грусть; успех – неуспех и другие. В целом данный фактор отражает отношение к неудачам и порицаниям в констатирующей форме, т. е., все представленные в факторе конструкторы просто отражают происходящие события, пассивно констатируют их, а также отражают эмоционально окрашенное отношение к данным событиям (преимущественно в негативных тонах) без указания на причины возникновения этих событий. Ввиду вышесказанного, фактор можно назвать «общее отношение к неудачам».

4 фактор (121,6161) – 14,9 % общей дисперсии. Данный фактор похож на предыдущий и связан с такими элементами решетки как: «громкий провал», «мои притязания», «то, за что наказали». Фак-

тически, описывая отношение субъекта к неудачам жизни, данный фактор позволяет отнести их к ряду значимых для личности неудач в отличие от предыдущей общей констатации. Дескрипторы представленного фактора отражают эмоциональное отношение к происходящим событиям. Пассивный, описательный характер конструкторов позволяет сказать о невовлеченности субъекта в деятельность и локализации возможных причин происходящего во внешнем окружении (успех – наказание, положительное – апатия, хорошо – плохо, радость – печаль, удовольствие – неудовольствие, хороший работник – не оценили, по заслугам – случайность и др.). Таким образом, фактор может быть назван «отношение к личным неудачам».

В сфере «межличностных отношений» выявлено 8 факторов, доминирующими из которых, являются 1 и 5.

1 фактор (201,7971) – 17,76 % общей дисперсии, описывает восприятие и отношение к «врагу» и «несчастному человеку». В целом данный фактор представлен разнонаправленными дескрипторами: «личностные черты», «стилевые конструкторы», «социально-ролевые конструкторы», «аффилиативные конструкторы» [21]. Однако достаточно часто встречаются такие конструкторы, как: добрый – злой, хороший – плохой, щедрый – злой, добрый – лживый. Скорее всего, данный фактор характеризует особенности восприятия другого человека (причем либо как врага, либо как несчастного человека). Врагом является тот человек, который не поддерживает и порицает пристрастия аддикта, что находит отражение в характеристиках – злой, плохой, лживый. Несчастный человек рассматривается как добрый, хороший, щедрый, и, скорее всего, в данном качестве выступает человек из ближайшего социального окружения, также являющийся аддиктом. Таким образом, фактор может быть интерпретирован как восприятие человека в системе координат «свой – чужой».

5 фактор (149,6395) – 13,17 % общей дисперсии. Фактор коррелирует с элементами (с учетом полярности) «сестра», «несчастный человек» и «мать», «враг». Элемент «сестра» не следует рассматривать однозначно, так как изначально он допускает вариативность в выборе человека выступающего в качестве сестры. Т. е. здесь уместно говорить о женщине или девушке, которая является для субъекта восприятия «сестрой» в смысле друга и близкого человека женского пола. Мать, являющаяся одним из ярых противников аддиктивных пристрастий человека, рассматривается аддиктом в качестве врага, поскольку порицает и всячески препятствует аддиктивным реализациям субъекта.

Дескрипторы, характеризующие фактор, также представлены различными по содержанию конструкторами: «личностные черты», «аддиктивные конструкторы», «социально-ролевые конструкторы», «стилевые конструкторы» (любят выпить – не любят, общительный – замкнутый, ласковый – жестокий, добрый – жесткий, скупой – не скупой, любящий – не любящий, смиренный – скандальный и т. п.). В

целом данный фактор может быть интерпретирован как разделение и восприятие людей в системе координат «свой – чужой» с дополнительной персонализацией.

В системе восприятия психологического времени выявлено 9 факторов, наибольший вес приходится на 1 и 3.

1 фактор (49,65875) – 20,105 % общей дисперсии, характеризует специфику восприятия худших и лучших событий прошлого и настоящего. Фактор включает в себя дескрипторы, которые характеризуют обозначенные события как радостные, счастливые, приятные (лучшие события), а также как печальные, плохие и грустные (худшие события). В целом конструкторы по данному фактору отражают только эмоционально окрашенное представление о своем прошлом и будущем. Примечательным является тот факт, что из системы временной перцепции исключены события настоящего, т. е., жизнь в настоящем не воспринимается аддиктом как эмоционально и событийно насыщенная. Таким образом, данный фактор может быть назван «эмоциональное отношение к психологическому времени».

3 фактор (31,41488) – 12,719 % общей дисперсии, описывает отношение, с одной стороны, к худшему событию прошлого, а с другой стороны, к лучшему событию будущего и событию, о котором чаще всего думает. Это можно интерпретировать как значимый негативный опыт в прошлом и нежелание его повторять в будущем. Дескрипторы отражают эмоциональную оценку происходящих событий (радость – печаль, радость – разочарование, радость – грусть, радость – боль, счастье – обида и т. п.). Фактор может быть назван «эмоциональное отношение к значимым для субъекта событиям». И вновь мы видим, что из системы восприятия психологического времени исключен процесс жизни в настоящем. Оценка иных аспектов психологического времени (активность, вовлеченность в происходящие события, значение для субъекта тех или иных событий, причины и следствия происходящего) отсутствует.

В системе восприятия целей и средств их достижения выявлено 9 факторов, главными являются 1 и 4.

1 фактор (45,95378) – 2,424 % общей дисперсии. Дескрипторы, образующие фактор, характеризуют особенности восприятия главной цели субъекта и худшего способа достижения, и того, что мешает достижению целей. Конструкторы восприятия описанных элементов характеризуют их с позиции эмоциональных реакций и пассивной констатации их наличия (хорошо – плохо, удовольствие – недостаток, недостаток – радость, цель – разочарование, успех-неуспех и т. п.). Данный фактор может быть назван «отношение к препятствиям достижения цели».

4 фактор (27,57562) – 12,265 % общей дисперсии. Описывает значимость достижений (важно – не важно, главное – второстепенное), указывает на помощь других людей (участие семьи – не участие, помогает друг – оправдание) и дает представление

об эмоциональной оценке (успех – неудача, боюсь перемен – нет перемен, преимущество – радость). В целом фактор коррелирует с элементами «худший способ достижения», «то, что хочу, но не достиг» и «то, что мешает достижению», «то, чего не хочу, но достиг». Исходя из вышесказанного, фактор можно назвать «препятствия в достижении целей».

Оба приведенных фактора отражают крайне узкий аспект восприятия целей и средств их достижения. Доминирует эмоциональная оценка, характеризующая событие либо как плохое, либо как хорошее. В качестве основного препятствия в достижениях видится неучастие других лиц, собственная активность в происходящем отрицается, что характеризует экстернальность аддиктов.

Приведем для сравнения результаты контрольной группы испытуемых, не имеющих признаков аддиктивного поведения. Системы конструкторов не аддиктов включают в себя гораздо большее количество дескрипторов, описывающих отдельные характеристики людей, ситуаций, явлений. Наряду с ними присутствуют и более развернутые характеристики действий, но их число значительно меньше по сравнению с числом развернутых дескрипторов аддиктов.

В системе отношения к успехам и неудачам доминируют два фактора: 1 (220,9228) 27 % общей дисперсии, 3 фактор (110,3421) – 13,54 % общей дисперсии. Данные факторы отражают отношение субъекта к достижениям и неудачам (коррелируют с элементами: «мой самый громкий успех», «мой самый громкий провал», «то, за что меня наказали», «мое образование», «моя профессия»). Тогда как для аддиктов характерна лишь центрация на успехах и провалах. Конструкторы, представленные в данных факторах, отражают не только эмоциональное отношение (неприятно – приятно, тревога – счастье), не только констатацию происходящих событий, но активное участие в событиях жизни (сама решила – не хотела), ориентацию на моральные нормы (соблюдение правил – не соблюдение) и нацеленность на достижения (лидерство – перспективы).

Особенности построения системы межличностных отношений характеризуются в первую очередь тем, что выявленные факторы (1 (163,6197) – 16,82 %; 3 (127,2345) – 13,08 %) коррелируют с элементом «Я». Поэтому восприятие другого человека идет за счет дифференциации «Я» – «Другой», «Я» – «Похожий» [14]. Среди конструкторов преобладают «личностные черты», но также используются «стилевые конструкторы», «конструкторы отношения», «аффилиативные конструкторы», «социально – ролевые конструкторы». В целом данная система отношений характеризуется активным участием «Я» в построении межличностных отношений с другими людьми, тогда как для аддиктов характерно рассмотрение отношений как не зависящих от них (умалывается собственная активность).

Особенности восприятия психологического времени заключаются в направленности на будущее (1 фактор (287,7935) – 32,82 % «лучшее событие бу-

дущего», «худшее событие будущего», «о чем не хочется думать»). Наряду с доминированием эмоциональной оценки возможных событий (радостно – грустно, хорошо – плохо, боль – радость) представлено отношение к вовлеченности в события (тяжело переносу – правильный шаг, комплекс – самореализация). Второй фактор (91,8136) – 10,925 %, характеризует восприятие событий без жесткой временной локализации («лучше всего мне было», «хуже всего мне было»). Данный фактор включает в себя конструкторы и эмоционального отношения и событийной насыщенности и активности (страх – вера, жизнь – деньги, взросление – ветреность, находчивость – обман, интерес – безразличие). Таким образом, восприятие психологического времени не аддиктами представлено ориентацией на будущее и учетом прошлого опыта, а также опыта жизни в настоящем. При доминировании эмоционального компонента жизнь воспринимается в более полном виде, а не в жестко зафиксированном континууме.

В системе восприятия целей и средств их достижения по представленности коррелируемых с фактором элементов больших различий не наблюдается. Существенные различия выявляются при анализе дескрипторов. Основной отличительной чертой является наличие конструкторов, описывающих собственное активное участие в достижении целей и преодолении препятствий (бессмысленность – осмысленность, беспечность – осмысленное, мое – не мое, завоевание – пессимизм и т. п.).

Выводы. Во-первых, мировосприятие при аддиктивном поведении имеет следующие особенности: пассивность, которая проявляется в нежелании участвовать и творчески преобразовывать окружающую действительность в различных ее аспектах. Экстернальность, которая проявляется в локализации причин значимых событий вне субъекта. Межличностные отношения, успехи и неудачи, достижения цели и провалы рассматриваются аддиктом как результат действия других людей, а не собственной активности. Все это вызывает к жизни следующий компонент мировосприятия – враждебность, когда люди рассматриваются в элементарной системе координат либо как враги «чужие», либо как друг «свой».

Во-вторых, данная система мировосприятия является «удобной» для осмысления происходящего с человеком. В ситуациях, когда нет возможности или желания анализировать собственное поведение (его причины и следствия), возникает потребность быстрого изменения состояния сознания с целью вытеснения «болезненного» содержания; и таким «быстродействующим» средством являются различные виды аддиктивной деятельности.

В-третьих, изначально существующая тенденция к «упрощенному» мировосприятию, возникающая в результате действия неблагоприятных факторов (аномальная семья, бедность, неудовлетворенные потребности и т. д.), предполагает использование аддиктивных агентов как способов ухода от неудовлетворяющей субъекта реальности. В дальнейшем при систематической актуализации данной

установки, обозначенные характеристики интегрируются в структуру личности и начинают проявляться на уровне личностных особенностей.

Литература

1. Березин, С. В. Психология наркотической зависимости и созависимости. / С. В. Березин, К. С. Лисецкий, Е. А. Назаров // internet: www.psycheya.ru
2. Братусь, Б. С. Аномалии личности. / Б. С. Братусь. – М.: Мысль, 1988.
3. Дмитриева, Н. В. Психология аддиктивного поведения. / Н. В. Дмитриева, Д. В. Четвериков. – Новосибирск, 2002.
4. Дремов, С. В. Измененные состояния сознания: психологическая и философская проблема в психиатрии / С. В. Дремов, И. Р. Семин. – Новосибирск, издательство СО РАН, 2001.
5. Зейгарник, Б. В. Патопсихология / Б. В. Зейгарник. – М.: Академия, 2003.
6. Иванов, М. С. Личностные предпосылки формирования игровой компьютерной аддикции / М. С. Иванов // Сибирская психология сегодня. Сборник научных трудов. Вып. 2. – Кемерово, 2004. – С. 370-377.
7. Иванов, М. С. Направленность на развитие как особенность системы ценностей увлекающихся компьютерными играми / М. С. Иванов // Наука и образование. Сборник материалов Всероссийской конференции. – Белово, 2003. – С. 264-269.
8. Иванов, М. С. Особенности самореализации личности в компьютерной игровой деятельности / М. С. Иванов: автореф. дис... канд. психол. наук. – Барнаул, 2005.
9. Короленко, Ц. П. Факторы, способствующие развитию химических аддикций / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева // Психологические и социокультурные аспекты профилактики нарко-алкогольной зависимости. Сб. науч. тр. – Кемерово, 2002. – С. 88-97.
10. Короленко, Ц. П. Аддиктивное поведение при пограничных личностных расстройствах / Ц. П. Короленко, Н. Н. Дмитриева // internet: <http://sfera.infomsk.ru>
11. Короленко, Ц. П. Психосоциальная аддиктология / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева. – Новосибирск: «Олдсиб», 2001.
12. Короленко, Ц. П. Семь путей к катастрофе / Ц. П. Короленко, Д. А. Донских. – Новосибирск: Наука, 1990.
13. Короленко, Ц. П. Стратегии коррекции созависимости / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева // Сибирская психология сегодня: сб. науч. тр. Вып. 2. – Кемерово, 2004. – С. 360-370.
14. Долганов, Д. Н. Некоторые семантические особенности восприятия другого человека в процессе межличностного общения. Гендерный аспект / Д. Н. Долганов // Материалы интернет-конференции «Женщина. Образование. Демократия». – 2004. // internet: www.humanities.edu.ru/db/msg/48933.
15. Короленко, Ц. П. Социодинамическая психиатрия / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева. – М.: Академический проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
16. Кучеренко, В. В. Измененные состояния сознания: психологический анализ / В. В. Кучеренко, В. Ф. Петренко, А. В. Россохин // Вопросы психологии, 1998. – № 3. – С. 70-78.
17. Леонтьев, Д. А. Психология смысла / Д. А. Леонтьев. – М., 1999.
18. Леонова, Л. Г. Вопросы профилактики аддиктивного поведения в подростковом возрасте / Л. Г. Леонова, Н. Л. Бочкарева // internet: www.narcom.ru/cabinet/online/3.html.
19. Попович, В. В. Особенности психологического времени при хроническом алкоголизме / В. В. Попович, В. А. Москвин // Вопросы психологии. – №3. – 2002. – С. 68-79.
20. Россохин, А. В. Психология измененных состояний сознания личности (на материале психоанализа) / А. В. Россохин // Вестник РГНФ. – №3. – 2003. – С. 156-165.
21. Смагина, С. С. Семантические особенности ментального конструирования межличностных отношений студентов / С. С. Смагина // Сибирская психология сегодня: сб. науч. тр. – Кемерово, 2002. – С. 167-173.
22. Четвериков, Д. В. Психологические механизмы и структура аддиктивного поведения личности / Д. В. Четвериков: автореф. дис... д-ра психол. наук. – Новосибирск, 2002.
23. Яницкий, М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М. С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000.
24. Янко, Е. В. Аддиктивное поведение как форма социального отклонения: учебно-метод. пособие / Е. В. Янко. – Кемерово, 2002.
25. Янко, Е. В. Школьная дезадаптация как фактор формирования аддиктивного поведения / Е. В. Янко: автореф. дис... канд. психол. наук. – Томск, 2002.